

Ценностное измерение дискуссии об этнониме «крымские татары / крымлы» в современном этническом контексте

Алиме Апселямова

*Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты анализа феномена этнонимов, их типология и функциональная значимость. Обосновывается консолидирующее значение эндоэтнонимов, их необходимость для формирования ценностной системы этноса, понимание их как части традиционной культуры. Отмечается, что экзоэтнонимы чаще становятся общепринятыми и распространёнными этнонимами, они, как правило, подвержены влиянию географических, социо-культурных, политических факторов. Острая для крымскотатарского дискурса проблема соотношения этнонимов «крымские татары» и «кырымлы» не позволяет функционировать этой дефиниции в полной мере: ограничиваются исторические, идеологические, социокультурные, нормативные основы этничности, связанные с этнонимом, создаются угрозы субъектности крымских татар.

Ключевые слова: эндоэтноним, экзоэтноним, этноним, крымские татары, субъектность.

Для цитирования: Апселямова А.И. Ценностное измерение дискуссии об этнониме «крымские татары / крымлы» в современном этническом контексте // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 49–57. DOI: 10.22378/kio.2024.2.49-57

Этноним, или наименование этноса, является одной из важных составляющих этнической идентичности. В самом широком смысле не существует этносов без этнонима, без их обозначения для «себя для себя» / «себя для других» / «других о нас». Очевидно, что «каждое языковое сообщество, проходя через определенный исторический опыт взаимодействия с другими народами, создает свой корпус этнонимических названий, в который входят как самоназвания (автоэтнонимы), названия, полученные от соседних народов (аллоэтнонимы), так и названия, присвоенные другим

народам» [5]. Этот тезис важен для понимания значения этнонима, его функционирования, определения пространства его функционирования.

Эндоэтноним (автоэтноним) – это самоназвание – «важнейший компонент этнического самосознания, т. е. то, как себя называет, идентифицирует сам народ. Именно здесь в процессе этногенеза общности и возникает оппозиция «мы и они», связанная с необходимостью для осознания своего единства отделиться от других подобных общностей, даже противопоставиться им» [3]. Т. е. в этом понимании эндоэтноним – это механизм понимания этносом самого себя, создания системы идентичности, т. е., условно говоря, «для внутреннего пользования».

Эндоэтноним направлен на внутриэтническую консолидацию, объединение вокруг каких-либо общих представлений о себе самих, своих качествах, подлинности. Исследователи отмечают: «Эндоэтнонимы у разных народов в значительной степени могут совпадать, так как часто обозначают «человек», «люди», «настоящие люди» – понятия, на разных языках звучащие по-разному. Таковы, например, самоназвания «ненцы», «нивхи», «нанайцы» (коренные малочисленные народы Севера и Дальнего Востока); «айны» (древний коренной народ Японских островов); «инуиты» (древний северный народ, живущий в Канаде, на Аляске, на крайнем Северо-Востоке России)» [3]. Т. е., этнические группы, называя себя «человек»/«люди», понимает свою подлинность, «правильность» и отличительность от других. Возможно, такое представление о своем этносе характерно для традиционных сообществ, исторически (в прошлом) ведущих достаточно замкнутый образ жизни, либо не имеющих обширных контактов с другими, например, в силу географической отдаленности.

Также эндоэтнонимы как часть традиционной культуры могут иметь тотемные корни. «Есть версия (впрочем, не единственная), что именно так образовалось название буряты – от слов ‘бури-ата’, ‘волк-отец’ (многие древние бурятские роды почитали волка как своего прародителя)» [6]

Иногда эндоэтнонимы указывают на языковую общность, понятность языка общения: «имя народа может означать «те, кто говорит на нашем языке», «те, кто нас понимает». Это относится, например, к самоназванию басков, живущих на территории Испании, – *euskaldunak*. Дословно это ‘знающие баскский язык’; сам язык называется *euskara*, что можно перевести как ‘способ говорить’. Другими словами, своих людей баски обозначали как «тех, кто умеет говорить на том же языке, что и мы» [6]. Подобное наблюдается и в «происхождении самоназвания албанцев – «шкиптар», которое происходит от слова «шчип», означающего «говорить понятно» [3].

Большое значение имеет представление об общем историческом опыте: «многие этнонимы отражают особенности истории того или иного

народа, в частности, связанные с его борьбой за независимость. Так, например, «фризы» («fry») – самоназвание известного народа в Нидерландах и Германии – означает «свободный» и возникло в период упорного сопротивления племени римскому завоеванию в первых веках нашей эры [3].

Еще один интересный фактор отмечает Э. Паин: «Исторически устойчивыми могли быть и специфические термины, обозначающие этнически «чужих» или людей своей национальности, но воспитанных в иной этнической культуре. Таковы, например, термины «гой» у евреев и «гаджо» у цыган» [4, с. 27]. Очевидно, что этнонимы четко формируют реальность, формируя контексты и социальное пространство, определяя коммуникацию со своими и с другими, наделяя комплектом качеств, формируя авто- и гетеростереотипы.

Таким образом, эндоэтнонимы выполняют функции, связанные с внутригрупповой консолидацией:

- формируют общие представления о себе, своей подлинности, своей отличительности от «других», о «таких, как мы», общности/понятности языка, общей истории, исторического опыта и коллективной памяти;

- конструируют внутриэтническую «картину мира», внутриэтнические ценности и идеалы;

- определяют «правила для нас» и «наши правила игры с другими»: представления о добре и зле, о «правильном» и «неправильном», «поощряемом» и «порицаемом», «дозволенном» и «запретном», создавая некие морально-этические и социальные кодексы.

Иные функции выполняют экзоэтнонимы. «Экзоэтноним, в отличие от эндоэтнонима, – элемент этнического сознания, направленного на «другого», это имя, название, которое дается этносу другим этносом (или этносами). Экзоэтноним в значительно большей степени, чем самоназвание, зависит от ситуации, от особенностей межэтнической коммуникации, от особенностей восприятия другой культуры, психологической совместимости, географической среды и т. д. Экзоэтнонимы, как мы уже отмечали, носят ситуативный характер и могут отражать какие-либо территориальные и географические особенности и признаки, особенности культуры, обычаев, неприемлемые, непонятные для другого народа, особенности истории народа и его контактов с другими народами, характер межэтнической коммуникации» [3].

Зачастую большее распространение получают именно экзоэтнонимы, именно их чаще называют этнонимами и используют для обозначения этнической группы. Нередко экзоэтнонимы носят либо некорректный, либо сегрегирующий характер, подчеркивая инаковость этноса: «пигмеи переводится с древнегреческого как '(человек) величиной с кулак', и это имя, как мы знаем, стало нарицательным. Слово цыгане происходит от греческого атцинганос 'неприкасаемый' – многие представители народа счита-

ют его оскорбительным, требуя называть их в соответствии с их самоназванием – рома». Корректный этноним «инуиты» заменен на «эскимосы»: «в России более известны под именем «эскимосы» – именем, данным инуитам их соседями – северными индейцами племени кри и означающем: «те, кто ест гнилое мясо»» [3]. Общеизвестно, что слово «немец» обозначало для русских «немой», т. е. непонятный (для нас).

«В научной литературе такие экзонимы получили название «экспрессивных», или «нисходящих». История знает множество примеров распространения таких презрительных этнонимов-кличек. Так, например, в Испании евреев, принявших христианство (т.е. «выкрестов»), презрительно именовали «мараны» (от испанского «свиньи»)» [3]. Таким образом, экзонимы являются результатом целого комплекса факторов, среди них исторические, социо-культурные, экономические, религиозные, географические, ситуативные. Они не всегда корректно отражают качества своего носителя, его историческую судьбу или опыт, иногда выступают как результат колониального наследия или исторических перипетий.

В целом, анализируя значение этнонимов, необходимо отметить, что посредством этнонима происходит «презентация», позиционирование индивида как представителя этнической группы, носителя определенного образа мышления, набора ценностей, своеобразной системы представлений о себе и мире, о «правильном» и «неправильном», о долге и обязанностях и многом другом, что определяет нас как личность и социальность. Важен также тот факт, что этноним выступает как один из этнических признаков, очерчивающих системы «мы» и «они» / «свои» и «чужие».

Существование устоявшегося и признанного этнонима говорит о целостности этнической группы, этнической идентичности, общем понимании исторического опыта. В контексте исторического опыта этноним выступает этноинтегрирующим объединяющим фактором, понимаемым как «те события, которые мы пережили вместе». Это дает ощущения коллективности, групповой идентичности, общности, протяженной во времени и истории. Зачастую это еще подтверждает некую «подлинность» / историчность данной этнической группы. В контексте исторического опыта конструируются этнические мифы (это очень важно для группы), формируются и преодолеваются коллективные травмы, проводятся исторические параллели, создаются модели и визии будущего. Все эти факторы формируют представления, установки и ценности группы, определяют формы и модели поведения и деятельности.

Более того, если обратиться к конструктивистскому подходу понимания этничности, то этничность выступает как «процесс социального конструирования воображаемых общностей, основанный на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями, единым типом куль-

туры и идей или мифом об общности происхождения и общей истории» [7, с. 41].

Само происхождение этнонима имеет важное значение. Оно бережно сохраняется и позволяет транслировать целый ряд ценностных смыслов: «древности», «подлинности», «историчности», «права на землю» и, самое важное, обуславливает «субъектность» (политическую, социальную, экономическую, духовную, нормативно-правовую)

Исследователи отмечают, что «этнонимы содержат некую характеристику называемых; содержащиеся в них оценки не всегда справедливы, но всегда исторически обусловлены и тем самым представляют ценность как исторические свидетельства. Этноним несет и идеологические функции, служа лозунгом, знаменем» [8].

Именно эти показатели значимы при анализе дискуссии об этнонимах «крымские татары» и «кырымлы». Историческая обусловленность этнонима «крымские татары» в современном информационном и научном пространстве аргументирована такими исследователями как Н. Бекиров, Э. Сейдалиев, Р. Куртсеитов, Н. Абдульваапов, С. Сейметова, Э. Абибуллаева и др. Этноним «крымские татары» имеет значимость как исторические свидетельства:

- выселили по национальному признаку – *крымских татар*;
- национальное движение за право вернуться на историческую родину Крым *крымских татар*;
- история создания и обозначения этнических институтов с указанием субъектности крымских татар.

Какую бы форму субъектности ни рассматривали, основным этнонимом, употребляемым в политико-правовом дискурсе, будет этноним «крымские татары».

Именно указание на такую этническую составляющую как основной признак обозначения и дифференциации вплетен в систему ценностей крымских татар, он и выполняет указанную выше идеологическую функцию. В период после депортации, проживания за пределами Крыма, появления и развития национального движения крымские татары называли себя только «крымские татары». Например, это ярко видно в лозунгах периода возвращения крымских татар в Крым: «Крым – родина крымских татар», «Верните родину крымским татарам» и др. В идеологии национального движения и в ходе процесса возвращения крымских татар в Крым, социально-экономического и политического опыта появился ряд нарративов, характеризующих крымских татар, их экзистенциальные страхи, риски и представления: «Родина или смерть», «Крым – историческая родина крымских татар», «Крым – наш дом», «Крым по венам» и др. Нарративы последнего десятилетия: «Дерт бизим кутураджакъ» («Четверо нас спасут»),

«Къырымда яша!» («Живи в Крыму!»), «Сен татарсин – чаресини тапарсин» («Ты татарин – справишься»). Этноним «крымские татары» стал своего рода символом или знаменем борьбы за право народа жить на своей исторической родине – в Крыму.

Еще одной характеристикой крымскотатарской идентичности является категория «крымскотатарскости». Впервые категория «крымскотатарскость» была предложена одним из респондентов второго этапа исследования «Крымские татары в условиях трансформации политического пространства» (2019 г.):

«Крымскотатарскость. Во всём. Если раньше у меня первым там было, наверно, я – мама, я – женщина где-то, то сейчас я – крымская татарка, вот оно стоит надо всем. И любой мой поступок, любое моё действие, я поняла, что вот с этой точки зрения, оно где-то доминирующее. То есть подчеркнуть, иногда даже назло кому-то, то, что я крымская татарка и что я другая» [2, с. 24].

В современном дискурсе понятие крымскотатарскости широко распространилось, используется в самом широком контексте для описания трансформационных внутриэтнических процессов и служит своего рода тестом на «подлинность», необходимость сохранения. Условная формула: «способствует сохранению/развитию/приумножению крымскотатарскости – это важно/нужно/сохраняем». Рефлексии по содержанию этого феномена, его описание выступают предметом дискуссий в информационно-коммуникационном и научном пространстве крымскотатарского сообщества [1, с. 143].

Термин «къырымлы» не имеет этой самой исторической наполненности, понимается в большей степени как принадлежность к территории, условное географическое прилагательное. Также этот термин не выполняет описанной выше этноконсолидирующей функции, не объединяет людей вокруг многовекового коллективного опыта государственности, религиозности, исторического прошлого, травм, потерь и той специфики идентичности и национального характера, который позволил сохраниться после трагических событий XX века и вернуться крымским татарам в Крым.

В целом дискуссия вокруг этнонимов «крымские татары» & «къырымлы» весьма спорно и неоднозначно влияет на внутриэтнический дискурс, противореча принципам конструирования, сохранения и трансляции этнической идентичности, нивелируя историческое прошлое и коллективный опыт, не способствует сохранению субъектности крымских татар. Очевидно, было бы корректным использование этих двух терминов не как взаимоисключающих, а как взаимодополняющих. При этом термин «крымские татары» имеет четкую правовую, международную и историческую составляющую и определяет правосубъектность, а «къырымлы» используется как

самозвание – эндономим для «внутреннего пользования», как географический термин (что особенно актуально в период активного перемещения групп людей для обозначения их причастности к родной земле – Крыму).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апсеямова А. И. Крымскотатарская идентичность в контексте основных теорий этничности // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры: сборник научных трудов. Выпуск 16. Симферополь: ИП «Подгорнова А.А.», 2023. 184 с.
2. Муратова Э. С., Дюльберова Л. Я., Апсеямова А. И. Крымские татары в условиях трансформации политического пространства. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2020. 190 с.
3. Набок И. Л. Этноним в межэтнической коммуникации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnonim-v-mezhetnicheskoj-kommunikatsii>
4. Паин Э. А. Этничность, нация и политика: критические очерки по этнополитологии. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 392 с.
5. Рассоха М. Н. Этнонимические наименования как маркеры идентичности в языке и культуре. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnonimicheskie-naimenovaniya-kak-markery-identichnosti-v-yazyke-i-kulture>
6. Солдатов А. Наш человек! Как появились и что значат названия народов – этнонимы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/nashi-lyudi-kak-poyavilis-i-cto-znachat-nazvaniya-narodov-etnonimy>
7. Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаетов. М.: Издательство Московского университета, 2019. 416 с.
8. Этнонимы: Сборник статей / Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1970. 271 с.

Сведения об авторе: Апсеямова Алимэ Исмоиловна – кандидат политических наук, декан филологического факультета, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); alime76@mail.ru

The value dimension of the discussion about the ethnonym “Crimean Tatars / Kyrymly” in a modern ethnic context

Alime Apselyamova

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

Abstract. The article discusses the theoretical aspects of the analysis of the phenomenon of ethnonyms, their typology and functional significance. The author substantiates the consolidating importance of endoethnonyms, their necessity for the formation of the value system of an ethnic group, and their understanding as part of traditional culture. It is noted that exoethnonyms are more often becoming generally accepted and widespread ethnonyms, they are usually influenced by geographical, socio-cultural, and political factors. The problem of the correlation of the ethnonyms “Crimean Tatars” and “Kyrymly”, which is acute for the Crimean Tatar discourse, does not allow this definition to function fully: the historical, ideological, socio-cultural, normative foundations of ethnicity associated with the ethnonym are limited, threats to the subjectivity of the Crimean Tatars are created.

Keywords: endoethnonym, exoethnonym, ethnonym, Crimean Tatars, subjectivity.

For citation: Apselyamova A.I. The value dimension of the discussion about the ethnonym “Crimean Tatars / Kyrymly” in a modern ethnic context. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 49–57. DOI: 10.22378/kio.2024.2.49-57 (In Russian)

REFERENCES

1. Apselyamova A.I. Crimean Tatar identity in the twenty main theories of ethnicity. Questions of Crimean Tatar philology, history and culture: collection of scientific works. Issue 16. Simferopol: IP “Podgornova A.A.”, 2023. 184 p. (In Russian)
2. Muratova E.S., Dyulberova L.Ya., Apselyamova A.I. Crimean Tatars in the conditions of transformation of political space. Simferopol: “Areal” Printing House, 2020. 190 p. (In Russian)
3. Nabok I.L. Ethnonym in interethnic communication. Electronic resource. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnonim-v-mezhethnicheskoy-kommunikatsii> (In Russian)
4. Pain E.A. Ethnicity, nation and politics: critical essays on ethnopolitical science. Moscow: New Literary Review, 2023. 392 p. (In Russian)
5. Rassokha M.N. Ethnonymic names as markers of identity in language and culture. Electronic resource. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnonimicheskie-naimenovaniya-kak-markery-identichnosti-v-yazyke-i-kulture> (In Russian)

6. Soldatov A. Our man! How did the names of peoples – ethnonyms – appear and what do they mean. Electronic resource. Access mode: <https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/nashi-lyudi-kak-poyavilis-i-chto-znachat-nazvaniya-narodov-etnonimy> (In Russian)

7. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. Ethnopolitical science: Political functions of ethnicity. Textbook for universities. 3rd edition, revised and supplemented. Moscow: Moscow University Publishing House, 2019. 416 p. (In Russian)

8. Ethnonyms: Collection of articles. N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences; editor-in-chief V. A. Nikonov. Moscow: Science (Chief Editorial Office of Oriental Literature), 1970. 271 p. (In Russian)

About the author: Alime I. Apselyamova – Cand. Sci. (Political Sciences), Dean of Philological department, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchednyy lane, Simferopol 295015, Russian Federation); alime76@mail.ru